

*Автор благодарит Виктора Рябенко
за помощь в создании этой книги,
а также за самую идею послать Лыкова в Иркутск.*

ГЛАВА 1

Командировка как наказание

Лыков явился к генерал-майору Курлову в тот же день, как вернулся из Одессы. Он понимал, что товарищ министра внутренних дел, шеф корпуса жандармов и заведывающий полицией на него обижен. Сыщик игнорировал прямое приказание начальника и не отстранил Азвестопуло от дознания убийства его родителей♦. Велено было прислать титулярного советника в Петербург, а тех, кто разбил головы отцу с матерью Сергея, искать в одиночку. Ну, при помощи одесских коллег, однако без ученика и помощника. Иначе, мол, получится вульгарная месть, что недостойно полицейского чиновника. Алексей Николаевич не выполнил приказ и ловил изувера Степана Балучу вместе с Сергеем. Взяв с него сло-

♦ См. книгу «Одесский листок сообщает».

во поймать негодяя живым. И вот командировка в Одессу закончилась. Большой славы двум сыщикам она не принесла, и теперь они ждали неприятностей.

Курлов принял коллежского советника, как и ожидалось, подчеркнуто сурово:

— Ну, доложите о своих художествах.

— Что имеет в виду ваше превосходительство? — столь же подчеркнуто невозмутимо уточнил Лыков.

— А вы не понимаете?

— Видимо, не до конца. Если насчет Азвестопуло, то, как я докладывал, он был болен и не мог сразу выехать к месту службы...

— Да будет врать! — взорвался генерал. — Мне все известно! Тамошнее градоначальство уведомило, как оно происходило на самом деле. Вы посмели нарушить мое категорическое распоряжение, привлекли сына убитых к дознанию и тем самым поощрили кровную месть. На коронной службе!

Лыков молчал. Он догадывался, что градоначальник Одессы Толмачев не удержит язык за зубами. Теперь следовало менять тактику.

— Ваше превосходительство. Позвольте напомнить, что вы командировали меня в Одессу с двумя поручениями одновременно. Я должен был арестовать убийц семьи путевого сторожа Дроздова — раз. А два — я имел приказ найти изменников, передавших германским шпионам планы минирования Одесской бухты на случай войны.

— Ну, помню. И что это меняет?

— Да ничего не меняет. Я просто хочу обратить ваше внимание на то, что оба приказания выполнены. Лукьянов, один из убийц Дроздовых, сидит в камере смертников в Тирасполе. И ждет виселицы. Второй злодей, Балуца, лежит в земле. Изменники со шпионами изобличены и посажены в тюрьму, Военное министерство весьма довольно. Так ли велика моя вина, если оба дознания закончены? И трудные дознания. А без помощи Сергея Маноловича не знаю, как бы я справился... Да, ваше распоряжение мне пришлось... скорректировать. Исходя из обстоятельств, для пользы дела. Признаю. Но я бывалый сыщик, часто принимавший подобные решения в трудной обстановке, руководствуясь опытом.

Лыков помолчал чуток и продолжил:

— Говоря по правде, Павел Григорьевич, я буду так поступать и впредь.

Курлов опешил:

— И вы столь невозмутимо мне об этом сообщаете? Мне, своему начальнику?

— А что еще остается?

— Алексей Николаевич... — генерал стал подыскивать нужные слова. — Я знаю ваш послужной список, он очень достойный... В Департаменте полиции нет уголовного сыщика опытнее вас. Сложнейшие дознания только вам и поручают. Но...

Коллежский советник невежливо перебил товарища министра:

— Больше все равно некому, Павел Григорьевич. Вы уж простите мне мою вину, она не из прихоти, так было нужно, чтобы выполнить ваши же поручения. И августейший приказ.

Генерал вспомнил, что убийц семьи путевого сторожа действительно велел поймать сам государь. И он, Курлов, в свое время с гордостью доложил Его Величеству, что чины МВД приказ исполнили. Но прощать сыщика заведывающий полицией не торопился:

— Так значит, без помощи титулярного советника Азвестопуло вы не смогли бы справиться с делом?

— С двумя делами. В Одессе существовала глубоко законспирированная секретная организация, служившая германскому генеральному штабу. Что же касается Балуды, преступный мир упорно его защищал. Это несвойственно нашим фартовым. А вот в городе акаций свои уголовные обычаи, и вышло так. Даже вдвоем мы провозились почти три месяца. Один я скорее всего торчал бы у моря и по сию пору.

— Хм... Не знаю, не уверен. Раз вы такой опытный, как сами мне только что заявили... Под вашей рукой была вся местная полиция. И как мог один человек оказаться незаменимым? Признайтесь, вы это нарочно, мне назло.

— Такими категориями, как назло начальству, никогда не мыслил. Только на пользу делу.

Генерал словно только что вспомнил и сообщил коллежскому советнику:

— Его Величество через премьер-министра Столыпина передал свое удовлетворение тем, что убийцы семьи Дроздова наказаны. И военный министр, уже мне лично, сказал, что в Одессе сделано много полезного.

— Вот видите, Павел Григорьевич, — упорно продолжил именовать генерала по имени-отчеству Лыков, — главное — это результат. Прошу поэтому и в дальнейшем разрешить мне действовать исходя из опыта и целесообразности.

Курлов откинулся на спинку кресла и неприязненно сощурился:

— Что ж, вам предоставляется хорошая возможность проявить свой опыт. Помножив его на целесообразность. Идите к директору департамента Зуеву, он даст важное поручение. Нужно провести обследование условий содержания ссыльных в Туруханском крае. Что-то часто оттуда стали бежать... Разберитесь и доложите.

— Главное тюремное управление подчиняется Министерству юстиции, при чем тут мы?

— Узнаете от Зуева, — холодно ответил генерал-майор.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Когда прикажете отбыть на место?

— Не позднее завтрашнего дня.

У Лыкова дернулась бровь, но он совладал с собой и сказал спокойно:

— Я не успею составить рапорт о командировке в Одессу. Кроме того, в Военном министерстве хотят обсудить со мной результаты агентурной игры.

— Хорошо, — пробурчал генерал-майор, — даю вам три дня на завершение всех ритуалов. А в понедельник чтобы выехали в Туруханск! Вместе с Азвестопуло.

Лыков вышел из кабинета злой. Вот достался начальничек... Дешевая месть обличала мелочную душу Курлова. Три месяца сыщики не были дома. У Сергея жена вот-вот родит. И на тебе, катись к Полярному кругу еще на полгода, чтобы помнил свою вину... Кретин!

Алексей Николаевич пошел на Фонтанку, 16, пешком, чтобы успокоиться. Не хотелось показывать департаментским, что товарищ министра сумел испортить настроение. Дойдя до службы, сыщик сразу явился к директору.

Зуев был не один. За столом сидели еще двое: исполняющий обязанности начальника Особого отдела коллежский советник Виссарионов и делопроизводитель Восьмого делопроизводства надворный советник Лебедев.

Василий Иванович Лебедев был давний товарищ Лыкова, хоть и занимал его место. Восьмое делопроизводство задумывал еще покойный Благово много лет назад. Задумывал как всероссийский

уголовный сыск, управляющий деятельностью всех отделений в империи. Алексей Николаевич развил идеи учителя, проработал штаты, сформулировал служебные обязанности. Год назад давняя борьба МВД с Министерством финансов наконец-то закончилась победой правоохранителей. В крупных городах было создано сразу 89 новых сыскных отделений. Командовать ими уполномочили Восьмое делопроизводство, которым, по совести, должен был руководить Лыков. Однако он угодил в опалу к государыне, когда неудачно разыскивал пропавшую икону Казанской Божией Матери♦. Императрица была известна злопамятностью. А еще безграничным влиянием на августейшего супруга. И опытный Столыпин задвинул провинившегося сыщика, отдав предпочтение Лебедеву. Случившаяся несправедливость не поколебала дружбы и взаимного уважения двух достойных людей. Хотя, конечно, осложнила их отношения в первое время.

Виссарионов был другой человек. Новое лицо в департаменте, он пришел сюда из прокурорского надзора. Полностью его должность называлась — чиновник особых поручений при министре IV класса сверх штата. Сергей Евлампиевич командовал важнейшим в структуре Департамента полиции Особым отделом и одновременно вел агентурные расходы. Наружно весьма религиозный, склонный к актерству, но при том чрезвычайно способный и трудолюбивый, Виссарионов держал дистанцию со всеми.

♦ См. книгу «По остывшим следам».

♦ Всего в документе было пять разделов. Литера «Б» — список лиц, за которыми требовалось установить наблюдение и надзор (без их ареста); «В» — сведения о неопознанных преступниках (с фотографиями); «Г» — перечень лиц, розыск которых надлежит прекращению, и «Д» — список похищенных и утраченных паспортов, служебных бланков документов, печатей и т.п.

♦♦ Зеленые ноги — беглые из мест заключения.

Говорили, что он целит на должность вице-директора, но ему мешает еврейское происхождение.

Лыков застал коллег за привычным занятием: они кроили список разыскиваемых лиц под литерой «А». В этот раздел включались преступники, подлежащие, при их обнаружении, немедленному обыску и аресту♦. Большую часть их составляли политические, а меньшую — уголовные. Список обновлялся дважды в год и рассылался во все полицейские управления империи. В раздел «А» обязательно включались беглые.

— Здравствуйте, господа, — пожал три руки Алексей Николаевич. — Опять зеленые ноги♦♦ заносите? Не их ли мне только что велел отыскать Курлов?

Директор недовольно воззрился на подчиненного:

— Расскажи, как сходил.

— А ты, Нил Петрович, не догадываешься?

Лыков с Зуевым давно служили вместе и были на ты.

— Послал он тебя?

— Послал, — вздохнул сыщик. Хотел кое-что добавить, но покосился на Виссарионова и промолчал.

— А нечего начальству перечить, — назидательно указал Зуев. — Меня ты уже давно в грош не ставишь, так хоть товарищ министра научит чиновочтанию.

— Может, он еще и убийц ловить меня научит? — желчно парировал коллежский советник. — А то я без его руководства запутаюсь.

— Но-но, — прикинулся рассерженным действительный статский советник. — Шталмейстера не обижай. Он за нас за всех думает.

Курлов представлял редкое исключение в чиновном мире Петербурга: имел военный чин генерал-майора и придворное звание шталмейстера вместо свитского аксельбанта.

Департаментские дружно хмыкнули, потом Лебедев участливо спросил:

— Когда отбываешь?

— Дня через три-четыре, — ответил Лыков. — Как только сдам рапорт и объяснюсь с контрразведкой.

— А Сергей Манолович?

— Ему велено следовать за мной.

— Когда супруге его рожать?

— Недели через три, может, через месяц.

— Эх...

Теперь уже Лебедев покосился на заведывающего Особым отделом. Но не удержался и продолжил:

— Хоть бы ему дал дома пожить, ребеночка дожждаться.

— Я бы сам не прочь дома пожить, отдохнуть от гостиничной вони и трактирной пищи.

— А ты знал, на что шел, когда противился Курлову, — возразил директор. — Так что теперь молчи.

Наконец Виссарионов сменил тему:

— Второй год составляю эти списки, а они все толще и толще делаются.

— Верно подмечено, — согласился Алексей Николаевич. — Я их уже двадцать лет верстаю. Помнится, сначала умещались на десяти страницах. А теперь как «Война и мир»... Нил Петрович, что за спешка такая с Туруханским краем? Кто оттуда бежал, если надо бросить все дела и ехать смотреть условия надзора?

Зуев наморщил лоб:

— А ведь кто-то знатный утек... Как бишь его? Африкант Силин. И с ним еще трое.

Африкант Силин по кличке Африканец был известный в центральных губерниях налетчик, получивший каторжные работы с последующим водворением на поселение в отдаленные местности Сибири. Но таких по Руси — батальон... Почему из-за какого-то гнуса надо отрывать немолодого и заслуженного человека от дома?

— И все? Экая важная птица упорхнула... Что-то ты, Нил Петрович, не договариваешь. И почему я, чиновник МВД, еду проверять епархию Министерства юстиции? Курлов сказал, что ты объяснишь мне загадку.

Директор департамента бросил на сыщика раздраженный взгляд:

— Чего привязался? Все равно тебе ехать. Даю три дня для написания отчета о командировке

в Одессу. Больше не могу, сам понимаешь. Курлов будет за тобой приглядывать. Зачем гуся дразнил? А то не знал характер его превосходительства!

— Но не выдумал же он эту поездку в Туруханск только для того, чтобы наказать меня за строптивость! — воскликнул коллежский советник.

— Нет, конечно. Просто до государя дошло истинное состояние дел с нашей ссылкой. Какой-то расторопный болтун сообщил, что треть ссыльных постоянно находится в безвестной отлучке. Что бегут тыщами. Что Сибирь зеленые ноги терроризировали дальше некуда. И Его Величество повелели дать детальный отчет по этому вопросу. От нашего ведомства, в обход Минюста. Причем с рекомендациями, как исправлять! Чуешь?

Лыков погрустнел. Очередное высочайшее поручение, на котором орденов не заслужишь, а шею свернуть можно запросто. «Ссылный вопрос» болезненный, там давно надо наводить порядок, а государство на это уже не способно. Хорошего решения нет, а плохое лежит на поверхности: усилить репрессии. Придется съездить в Туруханский край, посмотреть, как люди там умирают или бегут от невыносимых условий жизни. А потом вернуться в столицу и предложить еще сильнее затянуть гайки?

Виссарионов почесал свой знаменитый местечковый нос и сказал, словно приглашая обсудить:

— Странно все же. Приняли закон, отменили уголовную ссылку. Думали, станет лучше. А что получи-

лось? Ничего хорошего не получилось. Почему так, господа?

Он имел в виду закон от 12 июня 1900 года «Об отмене и ограничении ссылки в Сибирь». Заселение отдаленных земель преступным элементом всегда создавало множество проблем. Ссылные не имели способов содержать себя честным трудом. В глухих лесах и на берегах великих рек просто не было такой возможности. Посobie от казны, само по себе недостаточное, полагалось не всем. И люди начинали пьянствовать, воровать и грабить местное население.

Закон от 12 июня отменил самый массовый вид ссылки — уголовную, то есть ссылку на житье и на поселение как наказание за уголовные преступления. Вместо этого теперь назначали лишение свободы в исправительных арестантских отделениях. Или, проще говоря, в тюрьмах. Перестали ссылать в Сибирь и за бродяжничество, бродяг теперь тоже сажали в тюрьмы. Кроме того, раньше крестьянские и мещанские общества имели право отправлять в Сибирь своих неугодных членов, изобличенных в порочном и развратном поведении. Теперь этих негодяев начали переводить в соседние волости, а не гнать за Урал. В результате количество высылаемых снизилось на 85 %. Остались только ссылка на каторгу с последующим поселением, а также ссылка за политические и религиозные преступления.

— Это все пятый год, — не удержался от комментария Зуев. — Уголовных теперь мало, тон в Сибири задают политические. А меж них, в свою очередь, больше всего солдат, осужденных за бунты. И всяких булочников, сапожников и печатников, рядовых деятелей социал-демократов. Препней интеллигенции, страдающей за народ, теперь днем с огнем не сыщешь, они все живут в Швейцарии.

— Кто же тогда бежит? — поворошил на столе бумаги Лебедев. — Вон их сколько. Это ваши пекари да солдатики?

— А вот Алексей Николаич съездит туда, а потом нам расскажет.

Чиновники потребовали чаю и еще час разбирали приготовленные списки. Лыков сидел сбоку и помогал советами. Идти в кабинет не хотелось. Там его ждал Азвестопуло. Как сказать Сергею, что он через три дня уезжает к Полярному кругу?

Но делать было нечего. В очередной раз Алексей Николаевич подавил в себе злость на начальство и отправился огорчать помощника.

ГЛАВА 2

По Енисею

Лыков с Азвестопуло сошли с поезда в Красноярске, помятые и уставшие от семидневной езды. В пути они разделили обязанности. Алексей Николаевич взял на себя самую трудную часть командировки — он собрался обследовать Туруханск. Для этого ему предстояло спуститься по Енисею на полторы тысячи верст. А у села Монастырское свернуть в речку Туруханку и подняться по ней на тридцать пять верст, в непроходимые болота. При удачном ходе дела поездка должна продлиться почти месяц. Причем непосредственно обследование можно было завершить за два-три дня, а все остальное время съедала дорога.

Помощнику Лыков отдал что полегче: изучить ближние, южные уезды Енисейской губернии — Минусинский и Ачинский. В среде ссыльных поселе-

ние там считалось чуть ли не курортом. Сергей должен был управиться за неделю и быстро вернуться к жене. Авось успеет к родам. В его отсутствие надзор над Марией взяли на себя опытные дамы: Ольга Лыкова-Оконишникова и баронесса Таубе.

Красноярск — живописный город на левом берегу Енисея. С трех сторон его обступают горы. Но полицейским было не до красот, они торопились. Плыть вниз лучше всего на пароходе, а судоходство развилось слабое, пароходы к Монастырскому ходили редко. Лыков бегом отправился к губернатору, но того не оказалось. Прежний, Гирс, уже убыл, а его преемник Бологовский еще не вступил в должность. Ехал-ехал из Риги, где прежде начальствовал над Лифляндской губернией, и до сих пор не приехал... Алексея Николаевича принял вице-губернатор Миллер. От него питерец узнал, что опоздал на пароход. Три дня назад отплыл «Мономах» с партией новых ссыльных. На судне имелись каюты для пассажиров, пусть и второго класса. Следующий рейс не скоро, поскольку в Туруханск ходит только этот пароход, других нет.

— И что делать? — расстроился коллежский советник. — Когда он вернется, через три недели?

— Примерно, — ответил Миллер. — Но есть способ его догнать. Наймете илимку, это такая лодка. И в путь. При хорошей погоде настигнете «Мономах» где-нибудь в Анциферовской волости и пересядете. Только надо действовать быстро!

— А моего помощника устройте?

— Поручу полицмейстеру, он распорядится, — ответил вице-губернатор. — А вы тотчас ступайте в полицейское управление, пускай вас снарядят.

Так Лыков остался один. Нужно было спешить, и он даже не ночевал в гостинице. Командированный едва успел купить в дорогу чаю, сахара и водки. Уже через пару часов помощник красноярского полицмейстера усадил его в большую плоскодонную илимку, наказал команде стараться и взял под козырек. И лодка отправилась в путь.

Алексей Николаевич впервые плыл на таком экзотическом транспорте и с любопытством смотрел по сторонам. В попутчики ему достался штабс-капитан резервных войск Сухобрус, который возвращался к себе на кордон. Офицер давал питерцу пояснения.

Перво-наперво гостя удивил экипаж илимки. В нем было четыре гребца и рулевой. На веслах сидели бабы и девки, а единственный мужчина правил. Слабый пол оказался весьма даже сильным: крепкие чалдонки быстро гнали большую лодку по течению. Рулевой, жилистый и коричневый от загара, едва успевал маневрировать. Енисей возле Красноярска не набрал еще ширины, но несся на север стремительно.

Посреди илимки была устроена будка из ивовых прутьев, в которой расположились пассажиры. На корме повизгивали четыре собаки.

— А они зачем? — спросил сыщик у штабс-капитана.

— Как же! Это вниз легко лететь. Особенно когда поднимется попутный ветер и можно будет поставить парус. А вверх другое дело — тяжело против течения. Вот тогда собаки и пригодятся. Они потащат илимку, как бурлаки — по берегу, на веревках. А чалдоны пойдут пешком.

— Вот скажите, к слову — что за люди ваши чалдоны? — начал от скуки длинный разговор питерец. — Я имел с ними дело в Забайкалье, а здесь они какие-то другие.

— Не знаю, как на той стороне Байкала, а у нас думают так: чалдоны — это коренные сибиряки. То есть те русские, что сотни лет назад пришли сюда. Некоторые фамилии ведут свой род от Ермака и его есаулов, чем очень гордятся. Проверить родство, правда, нет никакой возможности, и скорее всего тут вранье, легенды. Почему-то считается, что казаки Ермака пришли с Дона. Про них так и говорили: человек с Дона. Потом со временем сократилось до чалдона, такое объяснение. Глупость, но верят. Народ крепкий, самостоятельный. Охотники, рыболовы, таежные следопыты. Одно плохо — сильно пьют. Что мужики, что бабы. Русских с той стороны Урала, переселенцев, чалдоны презирают и называют лопотонами.

— А почему бабы сидят на веслах, а этот прохлаждается у руля?

— Здесь так принято, — пояснил Сухобрус. — Они и на медведя ходят, честное слово! Смелые...

— А где, по-вашему, мы нагоним «Мономах»?

Штабс-капитан неопределенно указал рукой вперед:

— Поздно выступили, до Енисейска, уездного города, не догоним. Придется проскочить мимо. Жаль, там хороший есть трактир... А может, заглянем?

— Мне надо на пароход успеть.

— Мы на часок всего. Провизии так и так нужно прикупить. А пароход нагоним уже в Анциферове. Это большое село, волостное.

— Провизии-то зачем? — удивился Лыков.

— Вам, может, и незачем, а мне на пароходе не плыть и из его буфета не столоваться. До Ворогова на одной ухе не дотяну.

— Почему вам на пароходе не плыть? Там же удобнее. Вы офицер.

Сухобрус мотнул головой:

— То-то и оно, что офицер. На пароходе нужно за билет платить. А илимка бесплатно отвезет. Чалдоны обязаны доставить, кровь из носу. Это их обязанность: возить по реке почту и людей. Взамен жители прибрежных станков освобождены от воинской повинности.

Лодка продолжала нестись полным ходом. Рулевой вывел ее на середину Енисея, подальше от коряг и камней. Левый берег реки был низменный, а правый — высокий. На воде не обнаружилось ника-

ких других лодок — пустая река, сколько видит глаз. Берега тоже выглядели ненаселенными, и от этого на душе делалось как-то угрюмо.

— Тут еще что, — заметил настроение питерца штабс-капитан. — Леса хорошие, красиво даже. А как спуститесь в Туруханский край, начнется. Болота да болота, ельник низкий, убогий. Комаров несчетное количество. Вы, кстати спросить, накомарник-то с собой взяли?

— Догадался.

— Поди, кисейный?

— Нет, из конского волоса.

Штабс-капитан посмотрел на попутчика с уважением:

— Бывали здесь раньше?

— Здесь впервые, а бывал в Забайкалье, я же говорил. Комары везде бич, что там, что тут. А от мошки никакой накомарник не спасет...

Потом они долго плыли молча, пока Алексей Николаевич не спросил, куда держит путь штабс-капитан.

— Есть такой станок — Ворогово, — ответил тот. — Он охраняет границу между Енисейским уездом и Туруханским краем. Там военный кордон, которым я командую. Сам край начинается от знаменитого Осиновского порога, который ваш пароход должен будет прошмыгнуть. А это не всегда удается...

— Что за кордон? Беглых ловите?

— Точно так, Алексей Николаевич. По тайге ходить, где вздумается, нельзя, попадешь на заломы — и застрянешь...

— Заломы — это вывал леса? — сообразил Лыков.

— Угу. Бывает, что они тянутся на версту, и стволы лежат в два-три слоя. Ураган как саблей срубил. Такую баррикаду не перелезешь и не обойдешь. А если даже попытаешься, угодишь на болото или гарь. Так что с тропы никуда не свернуть. Тропа — вдоль берега, на тропе — наш кордон. Беглому другой дороги нет.

— А по реке?

— И там кордон! Все лодки и пароходы причаливают, мы их осматриваем, проверяем документы, грузы.

— Судно обыскиваете или только бумаги глядите?

— Теперь обыскиваем, — заявил штабс-капитан. — А то в прошлом году был случай: трое беглых спрятались на «Мономахе» в якорном ящике. И доплыли до Енисейска, сволочь. Команда помогала!

— И как вы об этом узнали?

— Да их поймали потом: одного — в Иркутске, а двоих — в поезде, по пути в Москву. Они и рассказали. Теперь я строго за этим слежу, все потайные места велю проверять.

— Еще как убегают ссыльные? И правда ли, что зимой побеги абсолютно невозможны?

— Зимой да, совершенно нельзя. Замерзнешь или от голода пропадешь. А то тунгусы по следам

отыщут и приведут к стражникам, им за это премия полагается. Зимой — никак.

— А летом кому-то удастся?

Сухобрус вздохнул:

— Вы же не из простого любопытства спрашиваете?

— Служба такая, Иван Остапович. Я бандитов ловлю-ловлю, а они потом опять возникают. Вот начальство и послало узнать, как это происходит. Будьте добры ответить.

— Летом, конечно, проще утечь. Но тоже не всякому удастся. Вот попадете в Туруханск, сами увидите. Городок словно на острове: с одной стороны — речка, с другой — озера да болота. Деться некуда.

— А как же тогда сбежал Африкант Силин? — задал давно подготовленный вопрос сыщик.

— Силин? Это который после каторги прибыл на поселение? Налетчик?

— Он, сукин сын.

Штабс-капитан опять мотнул головой:

— Черт его знает... Говорили, что через Карское море сдернул.

— А это возможно?

— Теоретически — да. Там ниже Монастырского есть станки Индигирка и Диксон. В них заплывают иногда норвежские пароходы. Они могут взять на борт беглого. Теоретически.

— А достоверные такие случаи вам известны? — продолжал расспросы коллежский советник.

— Говорят, что того... было раз-другой. А правду кто скажет? Такие вещи держат в секрете. Однако...

Офицер запнулся. Лыков ждал: у него возникло ощущение, что собеседник сейчас сообщит что-то важное.

— Мы между собой обсуждаем иногда. Ну, стражники. И такое есть мнение, что кто-то им помогает.

— Им — это беглым? — уточнил питерец.

— Да. Смыться из Туруханского края нельзя, я вам уже говорил. Край огромный, по площади как четыре Германии. А живет в нем всего десять тысяч человек. Отошел в сторону от тропы — и пропал. А на тропе — кордон, тоже пропал. Но ссыльные все равно бегут. И не всех мы потом находим живыми или мертвыми.

— Кто же им помогает? Тунгусы? Чалдоны? За деньги вполне возможно... — рассудил Лыков.

— За золото еще, — добавил штабс-капитан. — Недалеко от Назимова есть прииски, туда кого пошло берут, паспорта не спрашивают. А то можно его, золотишко, самому намыть, хищническим способом. Если повезет или знать места.

— Деньги... — повторил коллежский советник. — Откуда они у ссыльного? И сколько может стоить побег из Туруханска?

Сухобрус пожал плечами:

— Сам не бегал, не знаю. Но несколько сотен придется отдать, навряд ли меньше. А откуда такая

мошна у поселенца, тут все ясно. Товарищи с воли помогают.

— Допустим, я достал три-пять сотен. Дальше что?

— Дальше ищите помощника из местных. Который проведет до Монастырского, а еще лучше спустит вниз по Енисею. Например, на такой вот илимке при помощи собак.

— Но ведь ссыльные обязаны отмечаться у стражника.

— Раз в неделю он приходит, — отмахнулся штабс-капитан. — Да и то можно соврать: или рыбу ловить нанялся, или телеграфную линию починяет, а то в соседний станок двинул, в картишки перекинуться с другими ссыльными.

— Про линию не понял, — остановил попутчика Лыков.

— Видите, вон она вдоль берега тянется. И так до Диксона. Чуть не две тысячи верст. Столбы надо подправлять, менять, усиливать. Почтово-телеграфное ведомство за это платит. Ремонт телеграфа — исконное занятие ссыльнопоселенцев, чалдоны никогда за него не берутся. Им надо, пока лето, рыбы и мяса наморозить, ягод да грибов набрать. У иного запашка есть, особенно южнее, там рожь кое-как да вызревает. Вот ссыльным и поручают, других рабочих рук здесь нет.

— Хорошо, — согласился Алексей Николаевич, — я достал деньги и нашел помощника. Обманул страж-

ника с урядником, которые считают, что я подправлю телеграф и скоро вернусь. Сколько они так будут думать?

— До осени могут.

— Дальше что?

— Дальше верный чалдон везет вас вверх по Енисею. Докуда получится.

— Я попадаю на ваш кордон в этом, как его?

— В Ворогове, — подсказал штабс-капитан.

— Как же я там проскочу через стражников?

— Нет ничего невозможного. Старшим в карауле стоит унтер-офицер. Их у меня в отряде четверо. Вроде бы порядочные, службу знают. Но ведь в душу не заглянешь. Дадут ему полсотни, это его жалованье за полгода. Как он устоит? А если больше сунут? То-то...

Лыков не унимался:

— Проскочил я Ворогово. Сколько мне идти дальше?

— До Енисейска пятьсот верст, но беглому туда не надо, там его поймают. Беглому нужно в большой город, где можно затеряться и где железная дорога.

— То есть в Красноярск, — констатировал сыщик. — А до него тысяча?

— От Ворогова? Да.

— И как прячущийся от всех человек преодолет эту тысячу верст? На берегу пусто, каждая душа на виду. А он ясно, что нездешний.

Сухобрус думал недолго:

— Ссылнопоселенец имеет право на отлучку с разрешения начальства. Для приискания заработка, например. Или в город к доктору. Сооруди документ и маши им, где надо. Подпись туруханского царя Булевского подделать нетрудно.

— Это приставу так фамилия?

— Да.

Лыков стал загибать пальцы:

— Деньги — раз. Помощники из местных — два. Фальшивые документы — три. Что еще нужно, чтобы успешно сбежать отсюда?

— Тайные квартиры в больших городах.

— Пристанодержатели — четыре. Все?

— Нет, не все, — ответил штабс-капитан. — Рано или поздно станет известно о побеге. По телеграфу сообщат фамилию и приметы. И тогда отчаянному человеку нужно будет где-то отсидеться. Сменить нарядность, обзавестись новыми документами, купить билеты на поезд. То есть не день-два прокантироваться в притоне у воров, а месяц или больше. Чуете?

Лыков понял, что нащупал важную нить:

— Меблирашки, где не спрашивают прописку? Таких нет. Рано или поздно околоточный все равно придет. Или вы, Иван Остапович, имеете в виду нечто другое?

— Другое, Алексей Николаевич. Давно об этом слухи ходят, по крайней мере у нас здесь. У нас в Петербурге — не знаю.

— О чем слухи?

— Будто есть где-то в Восточной Сибири санатория для беглых. Так мы ее промеж себя называем.

— Где-то в Восточной Сибири... — задумчиво произнес Алексей Николаевич. — Но не здесь, на Енисее?

— Здесь нельзя, мы, стражники, сразу увидим. Надо поближе к железке, но не в полосе отчуждения, а на некотором удалении. Чтобы людей вокруг было мало. Но при этом имелись лавки, амбулатория, баня, свежий хлеб, продажные девки, галантерейный магазин с готовым платьем. Ничего этого здесь нет, а есть вокруг больших сибирских городов: Тобольска, Красноярска и Иркутска. Лично я думаю, что... что санатория, если она действительно существует, спрятана под Иркутском.

Коллежский советник настоужился:

— Почему именно там? Были сигналы?

— Не то чтобы сигналы, но слухи ходят давно, — признался Сухобрус. — В прошлом году из Туруханского края сбежали семнадцать человек, десять политических и семеро уголовных. Беру лишь тех, кого не поймали и мертвого в тайге не нашли. Куда они делись? Как сумели просочиться? Не на воздушном же шаре улетели. Без сильной поддержки невозможно, я объяснял почему. Значит, кто-то им помогает. И этот кто-то при власти околачивается. Провел мимо кордонов, приставов с урядниками, станционных жандармов. Но ведь опытный полицейский подозрительного человека увидит сра-

зу. А тут не разглядел. Как так? В лапу дали, он и не разглядел.

— Но вы сказали про Иркутск...

— Да! Иркутск подходит лучше других. Там места глухие, на севере почти безлюдные. Но уже благоустроенные, баню с девками найти — не проблема. Железная дорога, опять же. Ссылнопоселенцы бродят толпами, да на законных основаниях. Строят Амурскую колесуху♦, тянут второй путь железки♦♦, на золотые прииски большой набор, на ангарщину не меньше — есть где затеряться.

— Ангарщина что такое?

— Рыбный промысел на севере Байкала, возле устьев рек Верхняя Ангара и Кичера. Дикие места. С мая по ноябрь там куча народу кормится; ссыльные, бродяги, беглые каторжники — все в дело идет. Полиции не бывает, условия жизни адские, поэтому занимается сброд, кого в другие места не возьмут.

— А вы откуда знаете про ангарщину? — удивился Лыков.

— Я там служил, в Пятом Иркутском резервном батальоне. Его во время войны с японцами в полк переверстали, а тогда был батальон. Ну и того... иркутские обычаи не забыл. Самый страшный в Сибири город, скажу я вам. А может, и во всей империи. Даже днем могут жизни лишить за полушку. В том же Красноярске не в пример спокойнее.

Коллежский советник осмыслил услышанное и сказал:

♦ Колесуха — Амурская колесная дорога, для строительства которой в 1909 году набиралось большое количество рабочих.

♦♦ В 1909 году Сибирская железная дорога еще была одноколейной.

— Иркутск называют столицей беглых. Сам я был там проездом и давно, ни подтвердить, ни опровергнуть не могу. Неужели так плохо?

— Собственно город приличный: театр есть, Ангара красивая, имеется несколько нарядных улиц. После бедственного пожара тысяча восемьсот семьдесят девятого года, когда выгорела лучшая часть, запретили в центре деревянные дома, и наш Иркутск похоронел. Но... Он действительно столица беглых. Весь сброд тянется почему-то сюда.

— Странно, полицмейстер в отчетах об этом молчит.

— А чего ему молнии на голову привлекать? — усмехнулся штабс-капитан. — Я тоже начальству не все рассказываю. А вы разве не так?

— Я чиновник особых поручений Департамента полиции, бумаг пишу мало, все больше тащу и не пущаю. В том смысле, что в командировках постоянно.

— А... Повезло вам со службой, Алексей Николаевич. Бумаг мало. Я вот мелкая фигура, а и то замучили отчетами. Сейчас вся Россия пишет и в Петербург шлет, скоро засыплют его по самый шпиль Петропавловского собора.

— А подсказки какие-нибудь есть у вас, Иван Остапович? Возьмут да отправят меня в Иркутск сразу выкорчевывать. Или я сам попрошусь.

Сухобрус внимательно посмотрел на сыщика и предостерег:

— Самому туда проситься не надо.

— Почему?

— Уж поверьте мне, Алексей Николаевич, что не надо. Дались вам эти беглые...

— Если на то пошло, то дались, — взъелся коллежский советник. — Ловишь их, ловишь, а потом лыко да мочало, начинай сначала! Прибить этой гадине голову гвоздями к собственной спине, ей-ей руки чешутся.

— Они сами кому хочешь прибьют. Особенно кавказцы.

— Кавказцы? В Иркутске?

Штабс-капитан невесело рассмеялся:

— Их там больше, чем в Кутаисской губернии.

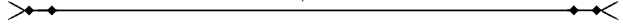
— Поясните.

— Эх... После войны я там уж не был, но от батальонных товарищей знаю: ничего не изменилось. Все так же на улицах режут и грабят. Особенно отличаются в этом подвиге грузины. Исстари в Иркутск ссылали оттуда всякую шваль. И довели до того, что сейчас кавказцы творят на Ангаре, что хотят, и управы на них нет.

— А полиция?

— Куплена, судя по всему.

В разговоре возникла долгая пауза. Лыков обдумывал услышанное. В департаменте тоже давно подозревали, что где-то за Уралом есть «номера для беглых». Они появились три-четыре года назад. Сыскные заметили, что преступники крупного калибра стали реже попадаться. А в случае проверки до-

кументов предъявляли подлинные бумаги на чужие фамилии. Недавно внимание Алексея Николаевича на это обратил его приятель Запасов. Сыщик сдружился с жандармом, когда дознавал железнодорожные кражи в Москве♦. После успешного завершения дела Дмитрий Иннокентьевич был произведен в полковники «не в очередь» и получил повышение. Теперь Запасов командовал Нижегородским ЖДЖПУ♦♦. Месяц назад его подчиненные изловили в поезде, едущем из Сибири в Петербург, опасного финляндского сепаратиста. Тот сбежал из Акатуя в кандалах и арестантском халате. А попался в богатой чесучовой тройке, с карманами, набитыми деньгами. Еще с измененными приметам и заграничным паспортом. Как произошло столь чудесное превращение?

♦ См. книгу «Узел».

♦♦ ЖДЖПУ — железнодорожное жандармско-полицейское управление.

Сухобрус назвал номера для беглых санаторией, что сути не меняло. Сибирь наводнена этим беспоконным элементом, счет идет на десятки тысяч. А до введения закона от 12 июня 1900 года в бегах находилось сто тысяч человек! Закон уменьшил количество ссыльных в разы, теперь статистика не такая удручающая. Но все равно дело плохо, и с каждым годом все хуже. На последнем совещании у Зуева возник разговор: найти бы притон и разорить его. Ясно, что местная полиция не справится, ее запугают или купят. И вот сейчас Лыков в Сибири. Когда еще сюда попадешь? Воспользоваться оказией и попробовать разобраться? А надо ли? Как говорили ему в полку: от службы не отказывайся, на службу не напраши-

вайся. Старый армейский закон. В нем вековая мудрость. Потом, в чужой земле порядка не наведешь. Лишь дурак может думать, что он приедет на месяц и все наладит. Если здешняя полиция бессильна, значит, на то есть серьезные причины. Никакой варяг их не устранил. И что делать?

С другой стороны, терпеть ситуацию было уже невозможно. Алексея Николаевича разбирала злость. Раз за разом повторялось одно и то же: злодея с трудом изымали из общества, запирали в Сибирь, а он вскоре выныривал снова. И опять грабил и убивал. Ладно, сейчас сыщику надо разобраться с Туруханском. Есть время подумать... Но уж больно удобный момент: он недалеко от столицы зеленых ног. Закончить здесь, на Енисее, и перебраться на Ангару. Повод всегда можно найти. Например, формально это будет инспекция сысского отделения иркутской полиции. Новых отделений открыли чуть не сотню, и хорошо бы проверить, как там обстоят дела. А Курлову с Зотовым объяснить по телеграфу истинные цели командировки. Нил Петрович — опытный человек, сразу поймет и одобрит. Люди калибра Лыкова в Сибирь попадают не каждый год. А шталмейстер будет только рад, что опальный сыщик сам себе придумал трудное поручение.

Сплав по реке продолжался до темноты. Питерец तोпил лодочника и заставил того поднять парус. Илимка полетела, как на крыльях. Заночевали путники в селении Нахвальском, в доме волостного ста-

♦ Шитик — плоскодонная лодка, крытая в середине. Корпус лодки был сшит ремнями или прутьями.

♦♦ Верхняя Тунгуска — старое название Ангары в нижнем течении.

росты. Спали всего пять часов, а ранним утром опять помчались вниз. Плыли целый день и не встретили даже шитика♦. Заночевали в станке Каргино, возле того места, где в Енисей впадала Верхняя Тунгуска♦♦. Местные жители сообщили, что «Мономах» останавливался тут сутки назад, выгружал провиант для ссыльных. Лыков велел еще поднажать...

На третий день плавания еда, взятая в Иркутске, закончилась. Волей-неволей требовалось заглянуть в Енисейск. Город открылся в прогале тайги по левому берегу. Потом долго его не было видно из-за леса, и только через час лодка причалила.

Енисейск, по сибирским меркам, оказался крупным городом. Девять каменных храмов, гостинный двор, монастырь, две полные гимназии — мужская и женская. Имелись даже публичная библиотека и книжная лавка. Прежде тут находилась столица пушной торговли, и местечко процветало. Однако удаленность сыграла с ним дурную шутку. Уж больно удобно оказалось ссылать сюда ненужных людей. Еще в семнадцатом веке девять лет тут провел протопоп Аввакум. Затем пришла очередь декабристов — Якубовича, Фонвизина, Шаховского. Их сменил Буташевич-Петрашевский, а последнего — Елпатьевский. К началу двадцатого века Енисейск сильно сдал. Сибирская железная дорога прошла южнее, через Красноярск, и забрала отсюда всю жизнь. Разъехались иконописцы, составлявшие прежде славу Енисейска. И теперь это был просто грязный убогий городишко...